

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВАВУЛИНСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6404-7551; ludvav@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – 1960-е ГОДЫ

А н н о т а ц и я . Повышение роли РПЦ в общественной и политической жизни России в последние десятилетия обуславливает актуальность исследований истории локальных православных сообществ, форм религиозной обрядности населения. На первый план выдвигаются ранее не исследованные сюжеты соотношения «советского» и «православного» в жизни верующих граждан, применения различных стратегий выживания православных традиций в условиях атеистического общества. В статье на основе введения в научный оборот новых архивных материалов освещено бытование православных практик в жизни населения Карелии в послевоенные десятилетия, которое не было ранее предметом специального изучения. В ходе работы использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы. Исследование показало, что, несмотря на запреты и ограничения деятельности Православной церкви, значительная часть населения республики сохранила религиозные праздничные обычаи, традиции крещения и отпевания, активно участвовала в ходатайствах об открытии храмов и посещении священнослужителями отдаленных местностей, не имевших церкви. Нашли применение и такие религиозные практики, как исполнение обрядов в закрытых часовнях, выезд для принятия крещения в другие регионы. При этом верующие жители нередко совмещали советскую и православную идентичность, участвуя как в церковных, так и советских праздниках, посещая службы в храмах и агитационные мероприятия в клубах. О приверженности населения религиозным традициям свидетельствовал и рост доходов церкви в 1950–1960-е годы.
К л ю ч е в ы е с л о в а : православная культура, религиозные обряды, советская и православная идентичность
Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.
Д л я ц и т и р о в а н и я : Вавулинская Л. И. Религиозная обрядность православного населения Карелии в середине 1940-х – 1960-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 52–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1351

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается рост интереса к религии. Православная церковь принимает активное участие в общественной жизни страны и играет важную роль в формировании русской ментальности и культуры, в единении нации, укреплении государственности и патриотизма. Соединение традиционных религиозных практик и новаций в современном православии обуславливает популярность «религиозной» проблематики, большое количество трудов по церковной истории, в том числе XX века (М. В. Шкаровский, И. А. Курляндский, А. В. Апанасенко, С. Л. Фирсов, Ж. В. Кормина, О. Б. Молодов, О. Ю. Васильева, А. А. Федотов, А. А. Панченко,

Ю. В. Гераськин, Л. В. Тюрина, А. А. Федотов, Т. А. Чумаченко, Д. В. Поспеловский и др.). Большинство исследований посвящено государственно-церковным отношениям, однако в последнее десятилетие появился ряд работ, основанных на введении в научный оборот новых источников, которые существенно обогатили наши представления о деятельности Православной церкви, особенно в советский период, и показали сохранение религиозных практик, несмотря на жесткие репрессивные и административные меры власти против церкви. Поиски новых детерминант и концептуальных трактовок в новейшей истории православия нашли отражение в ряде историографических статей [7], [9], [17].

В рамках осуществленного на базе Регионального открытого социального института (г. Курск) научно-исследовательского проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.» были опубликованы одноименная монография [19] и серия статей, раскрывающих различные, ранее не освещавшиеся сюжеты повседневной религиозной жизни советских граждан [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7]. В них нашли отражение масштабы и формы вовлечения представителей разных профессиональных и половозрастных групп советских граждан в традиционные конфессиональные практики в СССР в целом и в отдельных его регионах, данные о специфике восприятия православных традиций представителями разных социальных групп на протяжении советского периода, формы и методы приспособления религиозной традиции к государственным запретам и ограничениям. Авторы всесторонне изучили пути влияния православной культуры на жизненный уклад советских граждан, проанализировали особенности практического сочетания верующими конфессиональной и советской идентичности.

Проблемы соотношения «советского» («социалистического») и «православного» в жизни верующих граждан поднимаются в статьях, подготовленных на региональных материалах [10], [14], [16], [17], [18], [21]. Исследователи делают вывод, что

«сам факт религиозной принадлежности не становился основанием для выпадения из социалистической культуры и не мешал проявлению характерных для нее стереотипов и стратегий социального поведения» [16: 56].

Отдельные сюжеты религиозной жизни советских граждан затронуты в исследованиях зарубежных ученых. Так, в статьях С. Такахаси [22] и У. Хун [24] рассматриваются факты массового паломничества православных верующих, свидетельствующие о сохранении относительно высокой религиозности населения в эпоху позднего социализма.

Вопросы истории Православной церкви в советский период затрагивались и в местной исторической литературе [8], [13], [15], однако бытование православных практик в жизни населения Карелии не являлось предметом специального изучения.

Автор поставил задачу на основе введения в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия, располагающих ценным информационным ресурсом, выявить наиболее популярные формы участия верующих

в официальных православных обрядах – крещения, венчания и отпевания, определить степень устойчивости этих форм в условиях прессинга со стороны государства. Избранный хронологический период (вторая половина 1940-х – 1960-е годы) позволяет выявить динамику стратегий религиозного поведения верующих в годы относительной стабильности в отношениях между государством и верующими (вторая половина 1940-х – конец 1950-х годов) и нового наступления на церковь, развертывания массовой антирелигиозной пропаганды (1960-е годы). В ходе работы использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы.

* * *

Патриотическая позиция большинства религиозных организаций в период Великой Отечественной войны, а также дипломатические соображения стали важнейшими факторами повышения лояльности советского руководства к религии в первые послевоенные годы. Кратковременные послабления в религиозной политике нашли отражение в регистрации и открытии новых храмов. К концу 1946 года в Карелии были зарегистрированы шесть церквей: Крестовоздвиженская и Екатерининская в г. Петрозаводске, Никольская в г. Сортавала, Успенский собор в Олонце, Ладвинская и Шелтозерская церкви. Остальные храмы хотя и действовали, но юридически не были оформлены. В большинстве из них не имелось служителей культа, а религиозное служение выполняли монашки и лица из числа верующих. Так, например, в с. Великая Губа Заонежского района в церкви служила благочинная, бывшая монашка Клименецкого монастыря, в дер. Тихоништа Шелтозерского района – чернорабочий железнодорожной станции, местный житель Зайцев. В с. Соломенное служение в церкви исполняла 80-летняя жительница Васкина [12: 125]. В дер. Горка Горского сельсовета Кондопожского района в нелегально функционировавшей церкви обязанности священника выполнял житель деревни Т. А. Востряков, 1873 года рождения. В дер. Белая Гора Сележского сельсовета службы в часовне производились 70-летней местной жительницей Е. Д. Ивановой¹. Нередко молитвенные собрания проходили в частных домах.

В церквях не хватало богослужебных книг, свечей, лампад, облачений, муки для просфор, подсвечников (вместо последних нередко использовали гильзы, консервные банки). В Карелии не было епархиальных лавок и епархиальных свечных заведений².

После освобождения территории Карелии хатайства верующих об открытии церквей были возбуждены в Беломорском, Кемском, Кондопожском и других районах. В докладной записке министра государственной безопасности КФСР полковника Кузнецова секретарю ЦК КП(б) КФСР Г. Н. Куприянову о состоянии церквей и деятельности духовенства (25 июля 1947 года) сообщалось, что

«значительно повысилась посещаемость церквей, среди некоторой части населения наблюдалось крещение детей и исполнение религиозных треб на домах с приглашением священнослужителей. Во время пасхального богослужения 12 апреля 1947 года в Крестовоздвиженской церкви присутствовало около 1500 человек и в Екатерининской церкви примерно столько же. Ежедневно в церквях г. Петрозаводска производится крещение детей в количестве от 7 до 20 человек, причем имеются факты крещения детей 5, 7, 10 и даже 19 лет. Установлены 4 случая церковного бракосочетания под венцом»³.

Посещаемость храмов в главные христианские праздники, а также неоднократные факты крещения детей являлись вполне очевидными свидетельствами народной религиозности, что вызывало беспокойство партийного и советского руководства. Местная администрация видела в церкви конкурирующий властный институт со своими собственными действенными формами контроля над гражданами и нередко проявляла чрезвычайную бдительность в отношении священнослужителей. Так, 4 февраля 1948 года от руководства исполкома Соломенского поселкового совета депутатов трудящихся Уполномоченному Совету по делам церкви при Совете Министров КФСР Демидову поступило сообщение, что священником Соломенской церкви 19 января был организован крестный ход с выходом на озеро. Исполком совета просил провести инструктаж об осуществлении контроля за деятельностью священника, на что был получен ответ, что крестные ходы в праздники «Крещения» и «Препоновения Пятидесятницы»⁴ разрешены, а вмешиваться во внутренние дела церкви запрещалось, следовало лишь следить за тем, чтобы не нарушались законы советской власти⁵.

Иногда сигналы о «неправомерном поведении» священнослужителей поступали со стороны рабочих и служащих. Так, в письме Первому секретарю ЦК КП(б) КФСР Г. Н. Куприянову от группы рабочих г. Петрозаводска 18 ноября 1948 года говорилось:

«Тов. Куприянов, Вы знаете – о новом архиепископе Венидиктине, который заставил всех служить в субботу до 10 часов вечера, чтобы народ – рабочие

и служащие – не попали вечером на торжественное собрание, а в самый праздник Революции заставил служить с 10 часов утра, чтобы не шли на демонстрацию... По-нашему, он сделал какой-то политический поступок, вызов... он пошел против нашего государственного праздника. Такого архиерея надо привлечь к ответственности»⁶.

Данный факт особенно наглядно свидетельствует о конфликте и пересечении советской и православной идентичностей в жизни верующих граждан, попытке их совмещения, участия и в религиозных, и в советских практиках. Жительница Петрозаводска М. Постникова вспоминала: «В церковь мы ходили часто. Посещали и все мероприятия – концерты, фильмы, беседы, которые проводились на агитпункте, располагавшемся в строительном техникуме»⁷.

Современные исследователи отмечают, что в 1940–1970-х годах для большинства населения страны была характерна сформированная советская идентичность. Соответственно, можно говорить о бытовании православного обряда именно в советской культурной среде [6: 415].

Примечательно, что отправление религиозных обрядов было характерно для некоторых партийных, советских, комсомольских кадров, работников средств массовой информации, которые были призваны бороться с «религиозными предрассудками» населения. В докладной записке Уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Карело-Финской ССР В. Клишко о религиозности населения и состоянии РПЦ (март 1950 года) отмечались многочисленные факты крещения детей партийных и советских работников в 1948–1949 годах. Эти факты крещения детей без ведома и согласия их родителей были названы Уполномоченным «наглой, бесцеремонной вылазкой церковников против ряда руководящих партийных и советских работников (направленной на “избиение” их и отстранение кое-кого из них от работы!)»⁸. Однако заведенное уголовное дело против служителей культа, которые крестили детей, в 1950 году было прекращено, так как оно проводилось с согласия близких родственников (бабушек)⁹.

Подобные факты крещения детей, по мнению партийных органов, требовали строгой оценки. В справке зав. сектором информации ЦК КП(б) КФ ССР В. Чечулина в качестве недостатка в проведении пленума Прионежского райкома партии приводился тот факт, что в его решениях не было дано политической оценки религиозным обрядам в семьях коммунистов и не определены меры по усилению антирелигиозной пропаганды¹⁰. Выявленные факты примиренческого отношения

отдельных работников к религии и церковным организациям и даже прямого содействия этим организациям нередко имели следствием увольнение с работы, исключение из партии или выговор.

Тревогу властей вызывал тот факт, что, по оценке управляющего делами Совета Министров Карелии П. Семенова, церковь посещали не только старики и старухи, но и люди среднего возраста и даже молодежь и дети:

«В пасхальную ночь (9 апреля 1950 года) все церкви города Петрозаводска были переполнены народом, причем такое же количество людей, какое вмещают эти храмы, было и около храмов. Крестовоздвиженский собор посетили около 2 тыс. человек, Екатерининскую церковь – 1600, Соломенскую – около 600 человек. Правда, среди них было процентов 30 неверующих (любопытных), но и без них количество посетителей церквей все же большое»¹¹.

Участие молодежи в богослужениях свидетельствовало о серьезных изъянах в атеистическом воспитании, поэтому партийные и государственные структуры уделяли этому вопросу особое внимание. В отчетах местного уполномоченного, как правило, фиксировались сведения о присутствии молодых людей на церковных службах. Анализируя причины сохранения народной религиозности в послевоенные годы, современные исследователи подчеркивают значительную роль полупатриархального уклада во многих советских семьях, традиции религиозного воспитания в семье [2: 213–214].

Активизацию деятельности церкви партийные органы объясняли слабостью работы отдельных партийных организаций и культурно-просветительных учреждений, в результате чего «некоторые из церковников нагლეют». Например, священник Соломенской церкви после опубликования постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» вызвал на соревнование дом культуры лесозавода – «кто из них будет оказывать большее влияние на население и лучше доходить до каждого жителя»¹².

В 1950 году в церквях республики работали 15 служителей культа, из них священников – 11, диаконов – 3, псаломщик – 1. По социальному происхождению: из рабочих – 2, из крестьян – 5, из семей духовенства – 8. По национальности: русские – 13, вепс – 1, украинец – 1. Были прежде служителями культа, а до Великой Отечественной войны – советскими работниками и снова стали после войны служителями культа 7 человек. Были до Великой Отечественной войны советскими работниками, а после войны стали служителями культа 8 человек¹³.

Интересен состав членов церковных советов и ревизионных комиссий, насчитывавших 51 человека. Мужчин – 21, женщин – 30. По социальному положению: 20 рабочих, 16 крестьян, 5 служащих, 10 домохозяек. Среди церковного актива: 7 пенсионеров, 4 бухгалтера и счетовода, 1 бывший учитель. По грамотности: со средним образованием – 1, неполным средним – 3, низшим – 39, малограмотных – 7, неграмотных – 1. По возрасту: старше 60 лет было 30 человек, от 37 до 50 лет – 10, от 50 до 60 лет – 11¹⁴.

В справке Комитета госбезопасности Карелии в ЦК Компартии республики «О враждебной антисоветской деятельности церковников и сектантов на территории Карело-Финской ССР» от 25 августа 1954 года подчеркивалось, что из-за слабой постановки атеистической пропаганды

«общественность некоторых предприятий и учреждений, зная об активной религиозной деятельности членов своих коллективов, относится к этому безразлично, чем, по существу, способствует этой деятельности. Так, например, председателем ревизионной комиссии и членом “двадцатки” собора (Зарецкой церкви) является Т. – бухгалтер Книготорга. Членом ревизионной комиссии того же собора является Б. – зав. базой универмага на ул. Дзержинского, до марта 1954 года она являлась председателем местного комитета профсоюза универмага. Членом “двадцатки” и казначеем церкви в пос. Соломенное длительное время является К., работавший до весны 1951 года бойцом пожарной команды Соломенского лесозавода» [12: 208].

Несмотря на принимаемые властями ограничительные меры, доходы церкви возрастали. Если до Великой Отечественной войны годовой приход каждой петрозаводской церкви составлял в среднем около 50 тыс. руб., то в 1950 году он возрос до 300–400 тыс. руб. За одну предпасхальную неделю только в Крестовоздвиженском соборе было продано свечей на сумму около 30 тыс. руб.¹⁵ Доходность же других приходов в республике, за исключением петрозаводских и Сортавальской церквей, была небольшой.

Об активной позиции верующих свидетельствовали многочисленные ходатайства об открытии церквей. Только за период с 1 января 1947 года по 17 сентября 1949 года поступило 29 соответствующих ходатайств, но удовлетворены были только три. От верующих Беломорска было собрано более 500 подписей, Великой Губы – 198, Пудожя – 119, Выгозерского сельсовета Олонецкого района – 105¹⁶. В 1957 году ходатайства об открытии церквей подписали: в Кондопоге – 80 человек, Пудоже – 285, в с. Паданы – 97, а в Беломорске – свыше 1 тыс. человек¹⁷. Эти ходатайства отклонялись под разными предлогами: ветхость зданий, от-

существование священника или средств для ремонта. При рассмотрении ходатайств местная власть нередко получала от уполномоченного такую рекомендацию: «добиться отказа граждан, подписавших заявление», что не оставляет сомнений в нажиме на верующих. В результате жесткой позиции властей в северной части Карелии вплоть до 1980-х годов не было ни одной действующей церкви, несмотря на неоднократные обращения верующих.

Нередко местные гражданские власти чинили всяческие препятствия открытию церквей. Так, по поручению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория протоиерей Владимир Савойский посетил с. Шокша на предмет осмотра храма, об открытии которого ходатайствовали верующие. По словам Уполномоченного по делам РПЦ по КФССР, церковь была разорена и в ней ничего не было. Однако председатели районного и сельского советов не допустили протоиерея к осмотру храма, и Уполномоченный совет по КФССР не оказал в этом деле помощи¹⁸.

Большие трудности возникали и при попытках верующих пригласить священника в приходы, в которых не было церквей. В 1959 году от управляющего делами Совета Министров КАССР П. Семенова председателю Беломорского РИКа Зелянину было направлено заявление группы граждан Беломорска по вопросу разрешения священнику выехать из Петрозаводска в Беломорск для совершения треб верующих и рекомендовано в индивидуальных беседах выявить организатора подачи заявления и добиться отказа граждан, подписавших заявление, от вызова священника¹⁹.

Результатом подобной политики была бесконтрольная деятельность, особенно в отдаленных районах, самочинных требоисправителей, которые, по выражению благочинного Высокоостровского, из-за дальности расстояния были недостижимы²⁰. В 1953 году в дер. Пизьмагуба Калевальского района КФССР в помещении бывшего клуба работающим водомером гидрометеорологической станции Л. систематически организовывались нелегальные моления, которые посещали жители дер. Юшкозеро Калевальского района и деревень Чирка-Кемь, Хеуда и Тикша Ругозерского района. Имело место посещение верующими закрытых часовен в Олонецком, Прионежском, Пудожском и других районах²¹. В начале 1960-х годов в селах республики насчитывалось 9 незарегистрированных православных обществ²². Подобным образом верующие приспосабливались к советским социально-политическим реалиям.

В 1962 году были сняты с регистрации две церкви – в с. Ладва, отданная под детскую музыкальную школу, и пос. Соломенное для размещения детских яслей. В течение двух десятков последующих лет богослужения совершались лишь в четырех храмах республики – в двух в Петрозаводске, в Сортавале и в Олонце. Действия властей по ограничению деятельности церкви вызывали протест верующих. Так, в 1960-е годы представители местной власти попытались закрыть Успенский храм в г. Олонце, но прихожане написали заявление против закрытия церкви, под которым прихожанка Наталья Лобская, впоследствии монахиня Варвара, собрала подписи верующих горожан и отправилась с ними в Москву. Прихожане спилили замок на дверях храма и продолжали молиться, а когда церковь осталась без священника, срочно вызвали из Ленинграда нового священника, и богослужения продолжались. Так храм удалось защитить [23].

Преобладающее количество религиозных обрядов совершалось в церквях Петрозаводска. Из проведенных в 1959 году 1122 крещений и 555 отпеваний 88 % были совершены в столице республики. Из общего числа родившихся в Карелии детей были крещены 5,5 %, причем в Петрозаводске, включая Соломенное, было окрещено 32 % детей. Отпевания были проведены в 11,3 % случаев. Что касается венчаний, то они были редкими: в 1959 году – 4 случая, и все в Петрозаводске²³. В 1961 году в Петрозаводске захоронено с отпеванием 45,6 % умерших, окрещено 22,2 % родившихся детей²⁴. В сведениях о крещении детей подчеркивалось, что во время проведения обряда священники оказывали в известной степени влияние на родителей, таким образом, в Петрозаводске за 1965 год и в 1966 году было крещено 10 взрослых²⁵.

На основе анализа религиозных треб за 1964 год управляющий делами Совета Министров КАССР П. Семенов сделал вывод, что

«действующие 4 церкви, особенно Петрозаводские, начинают приобретать не только местное, но и республиканское значение, поскольку их деятельность охватывает верующих тех районов, где нет церквей. Например, от общего количества окрещенных детей в республике жителями г. Петрозаводска окрещено 41,8 %, районов республики – 45,4 % и соседних областей – 4,8 %. Венчаний в республике было 3»²⁶.

В церквях Петрозаводска ежедневно совершалось по две литургии (обедни), утренние и вечерние службы. В Олонецкой и Сортавальской церквях службы проходили по воскресеньям, субботам и большим церковным праздникам. Посещаемость церквей была крайне неравномерной: в обычные дни в Петрозаводске она составляла

10–15 человек в каждой церкви, в воскресные дни несколько увеличивалась, в праздники же церкви не вмещали всех верующих²⁷.

В 1965–1966 годах лабораторией социально-педагогических исследований Карельского педагогического института была проведена работа по изучению религиозности путем выборочного анкетного опроса взрослого населения 67 населенных пунктов республики. Было опрошено 8650 человек методом закрытого анкетирования. Обработка данных показала, что среди взрослого населения республики верующие составляли 19,5 %. Среди них люди старше 60 лет – 38 %, от 51 до 60 лет – 30 %, от 30 до 50 лет – 29 %, до 30 лет – 3 %²⁸. Приведенная цифра немного выше данных по религиозности населения СССР: по данным социологических исследований, проводившихся государственными учреждениями в середине 1960-х годов, в стране верующими были 15 % [20: 301]. При этом следует учитывать, что широко распространенная трудовая дискриминация по отношению к верующим побуждала их скрывать действительное отношение к церкви.

Об уровне религиозности населения республики свидетельствовал рост доходов Православной церкви в Карелии. За 1950–1958 годы по шести действовавшим церквям республики доходы выросли с 652,5 тыс. руб. до 1105,9 тыс. руб.²⁹ Рост доходов продолжился в 1960-е годы. Они увеличились с 98,3 тыс. руб. в 1960 году до 159,6 тыс. руб. в 1970 году³⁰. В значительной степени на повышение суммы доходов церквей оказал влияние и такой фактор, как улучшение материального положения населения во второй половине 1950-х – 1960-е годы. Денежные доходы на душу населения в Карелии за 1955–1969 годы выросли в два раза – с 466 до 949 руб.³¹

Существенное влияние на трансформацию форм религиозной жизни в послевоенные десятилетия оказывали происходившие в стране и республике социальные изменения. Активные миграционные процессы, быстрый рост городского населения, вовлечение незанятых граждан, особенно женщин, в разные сферы производства, развитие форм среднего и высшего образования, в том числе вечернего и заочного, различных курсов и кружков повышения квалификации сужали возможности для отправления религиозных обрядов. В быт людей внедрялись новые гражданские обряды, призванные вытеснить церковные таинства. Проводились торжественная регистрация браков и новорожденных, вручение первых паспортов, посвящения в рабочий класс, проводы в Советскую армию. Больше внимания

стало уделяться индивидуальной работе с верующими.

При горкомах и райкомах партии, поселковых и сельских советах работали комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культах, которые выявляли факты участия несовершеннолетних в богослужении, отправления религиозных обрядов членами коллективов. Информация об участии в церковных обрядах служила причиной преследования людей по месту работы или учебы. В отдельных учреждениях и на предприятиях в 1960-е годы даже состоялись товарищеские суды над верующими.

Несмотря на ужесточение контроля над совершением религиозных обрядов, в 1960-е годы они продолжали бытовать в республике; хотя случаи крещений значительно сократились, в то же время увеличилось число отпеваний, особенно заочных, что видно из таблицы

Сведения об исполнении основных религиозных обрядов
Information on the performance of main religious rites

РПЦ	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969
Крещение	935	932	631	569	314	255	212	230	181	178
Венчание	3	7	–	6	4	–	3	–	1	3
Очные отпевания	11	22	26	21	24	30	39	41	40	34
Заочные отпевания	511	551	539	810	1153	1277	1105	1287	1308	1409

По сравнению с северными епархиями (Вологодская и Архангельская) в немногочисленных церквях Карелии число крещений и отпеваний, к примеру, в 1962 году, было меньше: крещения – 631, отпевания – 565, в то время как в Вологодской епархии крещения – 8036, отпевания – 964, а в Архангельской – 3259 и 674 соответственно [11: 141].

Поскольку в республике осуществлялся строгий контроль над совершением обрядов, местные жители нередко находили выход из положения, совершая их в других регионах. При этом уполномоченные этих регионов незамедлительно информировали уполномоченного по Карельской АССР о проведении обрядов. Так, 23 января 1970 года уполномоченному В. С. Ракчееву от уполномоченного по Витебской области поступило сообщение о совершении в 1969 году жителями Карелии в церквях Витебской области 19 крещений, в том числе от 3 до 7 лет – 1, от 7 до 18 лет – 1. Из них православных – 13 (до трех лет – 12, до 18 – 1), католиков – 6 (до трех лет – 5, до 18 – 1)³².

Партийные и советские органы пресекали попытки верующих граждан поступить в монастырь или на учебу в духовные учреждения. Так, 21 декабря 1965 года уполномочен-

ному Совету при Совете Министров КАССР от уполномоченного Совета при Совете Министров СССР по Латвийской ССР поступило сообщение о попытке уйти в Рижский женский монастырь жительницы Петрозаводска Е. Г., 1910 года рождения. Незамедлительно зам. председателя Петрозаводского горисполкома Н. А. Креплякову поступило предписание от управляющего делами Совета Министров Карелии П. Семенова о необходимости выяснить причины ее желания и принять меры к предотвращению поступления³³.

Аналогичным образом решались вопросы о поступлении граждан в высшие учебные духовные заведения. 15 июня 1966 года уполномоченный Совета по г. Ленинграду и Ленинградской области Г. Жаринов сообщил уполномоченному Совету по делам религий при Совете Министров СССР по Карельской АССР о запросе жителя Карелии врача В. Д. о правилах приема в Ленинградскую духовную семинарию и предложил принять необходимые меры по предотвращению его приема³⁴.

В 1970 году в религиозной общине РПЦ на базе Крестовоздвиженского собора насчитывалось более 200 верующих – постоянных прихожан. В обычные дни собор посещали, как правило, менее 100 человек, а в религиозные праздники желающие присутствовать на молитве едва вмещались в соборе (до 600 человек). В отчете председателя комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах при исполкоме Петрозаводского горсовета В. Поршнякова отмечалась тенденция роста посещений соборов в религиозные праздники (Пасху) со стороны молодежи, как правило, в порядке любопытства, а также некоторое увеличение посещений собора женщинами в возрасте

35–45 лет³⁵. В составе «двадцатки» собора было шесть рабочих, остальные – пенсионеры. Религиозная община РПЦ на базе Екатерининской церкви насчитывала 150–200 верующих из числа постоянных прихожан. Посещали церковь в будние дни 30–50 человек, в праздники – в пределах 200 человек. Православные церкви республики насчитывали 164 члена «двадцаток»³⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на жесткие ограничения, малое число действующих храмов и зарегистрированных духовных лиц в Карелии, церковь в 1950–1960-е годы смогла выстоять, о чем свидетельствовали массовые прошения об открытии церквей, высокая посещаемость храмов в дни религиозных праздников и рост их доходов. Приобщенность к православию, сохранение религиозных праздничных обычаев были свойственны представителям практически всех слоев советского общества, в том числе партийной и советской элиты. Попытки сохранить религиозные традиции на местах, особенно в отдаленных районах, включали деятельность самочинных требоисправителей, посещение верующими закрытых часовен, выезд для принятия обрядов в другие регионы.

Существенное влияние на трансформацию форм религиозной жизни в послевоенные десятилетия оказывали происходившие в стране и республике политические и социальные изменения. Несмотря на усиление атеистической пропаганды в 1960-е годы, внедрение в быт людей новых гражданских обрядов, преследование людей по месту работы или учебы в случае их участия в церковных таинствах, религиозная жизнь оставалась заметной составляющей общественного бытия вплоть до конца советского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 211/2448. Л. 14–15.

² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1/12. Л. 2, 10, 14.

³ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 211/2448. Л. 10–11.

⁴ Преполовление Пятидесятницы – православный праздник, который наступает на 25-й день после Пасхи. Это середина пути от Воскресения Христова до Троицы. В документе ошибочно: «переплавной».

⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 89–90.

⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 105.

⁷ Воспоминания Маргариты Николаевны Постниковой (27.07.2012 г.). Родилась 7 февраля 1932 г. в г. Петрозаводске, русская (личный архив автора).

⁸ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 3.

⁹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 100.

¹⁰ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4759. Л. 4.

¹¹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/22. Л. 20.

¹² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 56.

¹³ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/22. Л. 2–3.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 85–87.

- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/22. Л. 20.
¹⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1/12. Л. 171–172.
¹⁷ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/41. Л. 49.
¹⁸ НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 84/536. Л. 175–176.
¹⁹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/43. Л. 189.
²⁰ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 32.
²¹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4/47. Л. 139.
²² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/45. Л. 109.
²³ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 33.
²⁴ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/45. Л. 139.
²⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/51. Л. 2.
²⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 6.
²⁷ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 2.
²⁸ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 14. Л. 32–33.
²⁹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 28–29.
³⁰ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 3/16. Л. 147; Д. 3/17. Л. 11–12.
³¹ НА РК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 5672. Л. 36; Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 794. Л. 284.
³² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/55. Л. 53.
³³ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/51. Л. 174.
³⁴ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/51. Л. 179.
³⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/55. Л. 20.
³⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 3/16. Л. 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апанасенок А. В. Верующие колхозники и «попы-коммунисты»: к вопросу о сосуществовании православной и «социалистической» культур в жизни советского села позднесталинского и хрущевского периодов // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 1018–1034. DOI: 10.21638/spbu24.2022.412
2. Апанасенок А. В. «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 205–216.
3. Апанасенок А. В. «Мы одновременно верили в бога и коммунизм»: феномен «советских верующих» в СССР 1940-х – 1980-х гг. // Церковный историк. 2022. № 3 (9). С. 174–186. DOI: 10.31802/CH.2022.9.3.011
4. Апанасенок А. В. «Пенсионеры, домохозяйки и другие граждане»: к вопросу о социальном составе православных верующих в СССР 1940–1970-х гг. // Via in tempore. История. Политология. 2023. Т. 50, № 3. С. 746–757. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757
5. Апанасенок А. В., Бубнов А. Ю. Православные практики в структуре повседневной жизни граждан СССР 1940-х – 1950-х гг. // Вопросы истории. 2021. № 12-3. С. 204–214.
6. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. Практика православного крещения в СССР в зеркале статистики и оценках исследователей 1940-х – 1970-х гг. // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49, № 2. С. 413–424. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424
7. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. Функционирование традиционной православной культуры в СССР 1940–1980-х годов как историографическая проблема: ключевые вопросы и возможные пути их решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 189–200.
8. Детчурев Б. Ф., Макуров В. Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990 гг.). Петрозаводск: ООО «СДВ-ОПТИМА», 1999. 208 с.
9. Каиль М. В. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 74–86. DOI: 10.54770/20729286-2021-3-74
10. Леонтьева Т. Г. О воцерковленности населения Калининской области в 1930–1950 гг. (по воспоминаниям «детей войны») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 3 (59). С. 40–61. DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.040–061
11. Молодов О. Б. Северные русские епархии в 1960–1980-е годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы науч. конф. (5–6 февраля 2004 г.). Вологда: Вологодский ин-т права и экономики, 2005. С. 137–142.
12. Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск: СДВ-ОПТИМА, 1999. 308 с.
13. Олонецкая епархия: Страницы истории / Сост.: Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001. 253 с.
14. Попова К. Ю. Религиозная обрядность православного населения Южного Урала в 1960–1980-е гг. // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 380–388.

15. Ружинская И. Н. Виктор Клишко как уполномоченный совета по делам Русской православной церкви // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417
16. Рязанова С. В. Официальная религиозная жизнь православного Прикамья в документах фонда уполномоченного по делам религий // Технолого. 2022. № 1. С. 48–62. DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.1.04
17. Рязанова С. В. Профессиональный дискурс религиоведческих исследований в России: на перекрестках высказываний и смыслов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 95–112. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_95
18. Рязанова С. В., Зубарева Е. А. Православный верующий Прикамья: XX–XXI вв. // Научный результат. 2014. № 1. С. 5–16.
19. Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг. / Под ред. А. В. Апанасенка. Курск: Региональный открытый социальный институт, 2022. 321 с.
20. Такахаши С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 328–348.
21. Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990-е гг.: Сборник / Отв. ред.: И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. М.: Фирма «ПАИМС», 1996. 507 с.
22. Успенскому храму г. Олонца – 220 лет // Православие в Карелии. Информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eparhia.karelia.ru/olon8.htm?ysclid=mi8of5jnxz556436355> (дата обращения 21.11.2025).
23. Хун У. С иконами и песнопениями, или Епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 232–256.
24. Шлихта Н. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 82–107.

Поступила в редакцию 27.05.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Lyudmila I. Vavulinskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6404-7551; ludvav@mail.ru

RELIGIOUS RITUALISM OF THE ORTHODOX POPULATION OF KARELIA BETWEEN THE MID-1940s AND 1960s

Abstract. As the role of the Russian Orthodox Church in the public and political life of the country has been rising over the past decades, research on the history of local Orthodox communities and forms of people's religious ritualism is gaining relevance. Previously unstudied topics, such as marrying “the Soviet” and “the Orthodox” in the lives of religious citizens, or the various strategies for preserving Orthodox traditions in an atheist society, come to the foreground. Introducing new archival materials into scholarly discourse, the article throws light upon the functioning of Orthodox practices among people of the Republic of Karelia in post-WWII decades, which has not been specifically addressed before. The author applied the historical-analytical, historical-evolutionary, and historical-statistical methods. The study revealed that despite the prohibitions and restrictions imposed on the Orthodox Church, a substantial part of the republic's population maintained the religious holiday customs, baptism and funeral service traditions, and actively participated in solicitation of commissioning of churches and sending clergymen to remote areas lacking a church. Other religious practices in use were performing rituals in closed chapels or traveling to other regions to be baptized. Often, religious people combined both the Soviet and the Orthodox elements of their identity, participating in both Church and Soviet holidays or attending church services as well as propagandist events. The fact that people remained faithful to religious traditions was evidenced also by growing church revenues in the 1950s and 1960s.

Key words: Orthodox culture, religious rituals, Soviet and Orthodox identity

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vavulinskaya, L. I. Religious ritualism of the Orthodox population of Karelia between the mid-1940s and 1960s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):52–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1351

REFERENCES

1. Apanasenok, A. V. Faithful collective farmers and “communist priests”: coexistence of Orthodox and “socialist” cultures in the life of the Soviet village in the late Stalin and Khrushchev periods. *Modern History of Russia*. 2022;12(4):1018–1034. DOI: 10.21638/spbu24.2022.412 (In Russ.)

2. Apanasenok, A. V. “Lord, help me to pass the exam”: Orthodox practices of Soviet pupils in the 1940s–1960s. *Proceedings of Southwest State University*. Series: History and Law. 2021;11(5):205–216. (In Russ.)
3. Apanasenok, A. V. “We believed in God and Communism at the same time”: the phenomenon of “Soviet believers” in the USSR of the 1940s–1980s. *Church Historian*. 2022;3(9):174–186. DOI: 10.31802/CH.2022.9.3.011 (In Russ.)
4. Apanasenok, A. V. Pensioners, housewives and other citizens: to the question of the Orthodox believers’ social composition in the USSR of the 1940–1970s. *Via in Tempore*. History and Political Science. 2023;50(3):746–757. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757 (In Russ.)
5. Apanasenok, A. V., Bubnov, A. Yu. Orthodox practices in the structure of everyday life of Soviet citizens in the 1940s–1950s. *Voprosy istorii*. 2021;12-3:204–214. (In Russ.)
6. Apanasenok, A. V., Pudyakova, I. S. The practice of Orthodox baptism in the USSR in the mirror of statistics and researchers estimates of the 1940s–1970s. *Via in Tempore*. History and Political Science. 2022;49(2):413–424. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424 (In Russ.)
7. Apanasenok, A. V., Pudyakova, I. S. Functioning of traditional Orthodox culture in the USSR of the 1940–1980s as a historiographic problem: key issues and possible solutions. *Proceedings of Southwest State University*. Series: History and Law. 2021;11(3):189–200. (In Russ.)
8. Detchuyev, B. F., Makurov, V. G. State-church relations in Karelia (1917–1990). Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)
9. Kail, M. V. Orthodoxy in Russia, 1914–1964: an attempt at studying and public memory in the discourse of repression and the search for alternative cognitive approaches. *The New Historical Bulletin*. 2021;3(69):74–86. DOI: 10.54770/20729286-2021-3-74 (In Russ.)
10. Leont’eva, T. G. On the churchness of the population of the Kalinin region in 1930–1950 (from memories of “children of war”). *Vestnik TvGU. Seriya “Istoriya”*. 2021;3(59):40–61. DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.040–061 (In Russ.)
11. Molodov, O. B. Northern Russian eparchies in the 1960s–1980s. *European North in the fate of Russia: general and specific in historical process: Proceedings of the research conference (5–6 February 2004)*. Vologda, 2005. P. 137–142. (In Russ.)
12. Unknown Karelia. Documents from special agencies on life in the republic. 1941–1956. Petrozavodsk, 1999. 308 p. (In Russ.)
13. The Olonets Eparchy: Pages of history. Petrozavodsk, 2001. 253 p. (In Russ.)
14. Popova, K. Yu. Religious rites of the Orthodox population of the Southern Urals in the 1960s–1980s. *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*. 2015;2(4):380–388. (In Russ.)
15. Ruzhinskaya, I. N. Viktor Klishko as the Commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;8(185):85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417 (In Russ.)
16. Ryazanova, S. V. The official religious life of the Orthodox Kama region in the documents of the fund of the Commissioner for Religious Affairs. *Technologos*. 2022;1:48–62. DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.1.04 (In Russ.)
17. Ryazanova, S. V. Professional discourse of religious studies in Russia: at the crossroads of utterances and meanings. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2021;1:95–112. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_95 (In Russ.)
18. Ryazanova, S. V., Zubareva, E. A. Orthodox believer of the Kama Region: XX–XXI centuries. *Research Result*. 2014;1:5–16. (In Russ.)
19. Soviet identity and problems of religiosity: Orthodox practices in the everyday life of citizens of the USSR in the 1940s–1980s. Kursk, 2022. 321 p. (In Russ.)
20. Takahashi, S. Two types of religiosity in the times of the late socialism: Eastern Orthodox believers in Vladimir Region. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. 2012;3–4(30):328–348. (In Russ.)
21. Trends in sociocultural development of Russia. 1960s–1990s: Collection of research papers. (I. A. Butenko, K. E. Razlogov, Eds.). Moscow, 1996. 507 p. (In Russ.)
22. Celebrating the 220th anniversary of the Dormition Church in Olonets. *Orthodoxy in Karelia. Information portal of the Petrozavodsk and Karelian Eparchy*. Available at: <http://eparhia.karelia.ru/olon8.htm?ysclid=mi8of5jnxz556436355> (accessed 21.11.2025). (In Russ.)
23. Huhn, U. With icons and psalms, or a bishop in flight from his flock. Mass pilgrimages in Russia in the times of Stalin and Khrushchev. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. 2012;3–4(30):232–256. (In Russ.)
24. Shlikhta, N. Orthodox” and “Soviet”: on the identity of Soviet believers (1940s – early 1970s). *Forum for Anthropology and Culture*. 2014;23:82–107. (In Russ.)

Received: 27 May 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026